

Что мы знаем о нянях? Кажалось бы, вполне достаточно: что они помогают занятым родителям, прежде всего мамам, в присмотре и воспитании драгоценных чад; что жизнь их может быть весёлой и курьёзной, как в сериале «Моя прекрасная няня»; и что самую главную няню в русской литературе звали Ариной Родионовной.

Однако стоит только задуматься о том, что главные впечатления, формирующие личность (особенно личность творческую) чаще всего накапливаются именно в детстве, в первых жизненных уроках любви, отзывчивости, веры, но порой также и равнодушия и даже жестокости; стоит попристальнее всмотреться в детскую, и мы обнаружим там целый сокровенный мир.

Первоначальной идее написать книгу о няне, как о «великой матери русского человека только по закону любви, а не по закону родительства», о её роли наставницы для будущих гениев и талантов в

самых разных сферах мы обязаны Сергею Николаевичу Дурьлину (1886—1954), писателю, филологу, религиозному мыслителю и педагогу. Именно он, несмотря на очевидные трудности публикации такого «несвоевременного» материала в первой половине XX века в СССР, начал собирать и систематизировать многие мемуары и свидетельства, так или иначе коснувшиеся данной темы. Именно в его обширной папкотеке была заведена и хранилась особая папка, названная «Няни».

Однако на этом этапе работа надолго приостановилась. Сам Дурьлин признавался близким, что у него не хватает ни сил, ни времени, чтобы завершить её. Но каждое искреннее начинание в итоге всё равно приводит к результату. И вот, спустя десятилетия, этот труд был возобновлён биографом С.Н. Дурьлина — Викторией Топоровой и приурочен к его юбилею.

Книга выстроена в хронологическом порядке, по времени, на которое пришлось детство мемуаристов (за исключением размышлений о самом феномене русской няни, размещённых в начале). Благодаря такому построению перед нами за четыреста страниц проходит весь XIX и начало XX веков, когда и в детскую уже проникают отзвуки войн и революций. Рассказчиками выступают писатели и актёры, художники и музыканты, учёные и общественные

деятели, хирург, гитарист и историк — всего свыше сорока человек, составивших цвет и славу нации. Органично дополняют друг друга славянофил И.С. Аксаков и западник А.И. Герцен, революционерка Вера Фигнер и князь Трубецкой, эмигрант Бунин и оставшийся в Советской России Блок.

Почти все няни в первой половине книги — крепостные, редко грамотные, но благодаря их искренней любви, терпению и всегдашнему сочувствию именно им удавалось привить своим лучшим «выходкам» (так зачастую именовали воспитанников) чувство народной речи и, что ещё важнее, национального духа. Кажется, самим своим присутствием они смягчали и облагораживали чудовищность крепостных отношений.

Конечно же, для восприятия этой любви нужна была отзывчивость и с другой — детской стороны. «Но и няня, и детские впечатления деревни таились тогда в воспоминаниях почти каждого отъявленного отрицателя русской народности, так что такая русская бытовая черта в поэзии Пушкина является уже сама по себе нравственной его заслугой и оригинальной особенностью», — справедливо заметил Иван Сергеевич Аксаков.

Обиходная жестокость в виде порок и унижений по отношению к низшему сословию чаще всего воспринималась взрослыми дворянами как необходимая форма

поддержания порядка. Сиюминутный барский каприз мог поменять целую жизнь.

— Будь ты отныне не Григорьев, а Стрепетов!

«Почему? Зачем? — никто не смел спрашивать, да и какая надобность? Барину не нравится прозвище мальчика, и мальчик обязан переменить своё прозвище на такое, какое понравится барину», — вот так произошла фамилия драматической актрисы Пелагеи Стрепетовой.

О серьёзной же благодарности обычно и речи не шло: «Когда умерла няня Анна и брат мой Сергей поставил над нею порядочный крест, добрая, милая, ласковая мама заметила ему: «Что за памятники над нянькой?» — так мало ценились крепостные, их труд, преданность и усердие», — вспоминал художник В.В. Верещагин, у которого, как и у многих дворянских детей, такой тип отношений вызывал всё большее нравственное отторжение.

Первые пояснения в религиозных вопросах дети также обычно получали от своих нянь, их «детскому богословию» посвящены такие благодарные строки: «И вот, когда после долгих-долгих годов, в которые, казалось, всё прошло, что было от «веры», придёт опять нужда верить <...> вспомнится вот этот тихий нянин шёпот, вспомнится верба в её сморщенной руке... — и по этой ниточке, самопрядной и бедной, а не по железному канату катехизиса возвращаются к прошлому, к

детской вере и молитве. Христос детский — самый ясный и близкий из всех ликов Христовых».

Очень интересными оказались пересечения двух взаимодополняющих воспоминаний: братьев Андрея и Фёдора Достоевских, Василия и Александра Верещагиных. Щемяще трогательны моменты, когда няни завещают скудное имущество или вовсе готовы пожертвовать (и жертвуют) все свои многолетние накопления ради помощи ставшим родными и попавшим в беду семействам.

Отмечу, как одну из самых увлекательных, при этом психологически точных и многогранных историй, «Воровку» из семейной хроники «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской. В ней распутывается целый клубок взаимоотношений крепостной и вольной прислуги, с тайной страстью, подлостью, раскрытием обмана, унижением и прощением.

Помимо мемуарной прозы в книгу включена целая плеяда прекрасных стихотворений. От Пушкина, Языкова и Кольцова до Случевского, Мережковского и Ходасевича, начало стихотворения которого я не могу не привести здесь:

*Не матерью, но тульской
крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен.
Она
Сивальники мне грела над
лежанкой,
Крестила на ночь от дурного
сна.*

*Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке,
обитом жостью белой,
То пряник вяземский, то мятного
коня.*

Замечу, что в этом стихотворении речь не про няню, а про кормилицу поэта. Осветить важную роль кормилиц — ещё одна благородная задача этой книги. «Кормилице не повезло в литературе, как повезло няне, может быть, потому что няня была пестуном и постоянным спутником одного, двух, а иногда — редко, но бывало — и трёх поколений, а кормилица бывала «прохожей», лишь проходившей через семью и, пройдя, удалявшейся из неё навсегда».

По ходу чтения незаметно начинаешь разбираться во многих новых для себя вопросах: и в чём особенность положения бонны, и на каком году девушек от нянь передоверяли гувернанткам, кто такие «девочки для услуг», приставленные к няням, и т.д. Запоминаешь, что няню Достоевских звали Алёной Фроловной, а воспитательницу Николая Лескова, пережившую его почти на семьдесят лет, Анной Степановной. Не могут не тронуть сердце такие примеры наивной, но искренней заботы, как описанные актрисой и педагогом Надеждой Смирновой:

«Она часто уговаривала меня играть поосторожнее и не очень расстраиваться. «Все играют, как люди, — жаловалась она моим товарищам-актёрам, — а наша начнет играть, либо себя изуродует, либо разорвёт что, совсем себя не помнит»».

Но самые важные впечатления от книги намного глубже и проникновеннее: «У няни было тонкое чутьё на человеческую доброкачественность: она определялась для няни не тем, кто что сказал или был ли с нею «обходителен»; доброкачественность эта определялась чем-то совсем другим: няня была зорка на испод человека, а не на покрывашку, которою он себя покрывл».

На мой взгляд, самый верный признак хорошего сборника (особенно составленного из очень разных, как в жанровом, так и в стилистическом плане авторов) состоит в том, что все включённые в него произведения и отрывки читаются, как единое увлекательное целое. И этому критерию книга «Няня» полностью соответствует. С чем и поздравляю, как составителя, так и всех читателей: нынешних и будущих.

Няня. Кто нянчил русских гениев / Сост., подготовка текстов, коммент., биогр. справки В.Н. Топоровой. — М.: Никея: Редакция «Встреча», 2017